

Сергей Патрушев

Рейнкарнация
Бездельника

Сергей Патрушев

Реинкарнация Бездельника

<https://litres.ru/74367922>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рафаэлль — двадцатилетний апатичный парень, который умирает от истощения, потому что ему было лень дотянуться до еды.

Казалось бы, вот он долгожданный покой, но вместо небытия его встречает жизнерадостная богиня Габриэль, объявляющая юношу «чистейшим воплощением греха Лени» за всю историю мироздания.

Отказаться от перерождения не выходит: богиня насильно благословляет его Силой Безделия и отправляет в мир фэнтези, где Рафаэлль становится принцем королевства Ленивия.

Теперь его лень не проклятие, а абсолютное оружие. Враги засыпают от его зевков, заговоры раскрываются сами, а казна пополняется, потому что всем лень тратить. Подданные видят в нём мудреца, принцесса-обольстительница сходит с ума от его равнодушия, а монстры, вторгшиеся в королевство, остаются жить мирно, заразившись всеобщим спокойствием.

Ироничная история о том, как абсолютное бездействие становится высшей формой героизма, а самый ленивый человек в мире — спасителем королевства.

Содержание

Глава 1. Смерть как спасение	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Патрушев

Реинкарнация Бездельника

Глава 1. Смерть как спасение

Тишина. Она была не просто отсутствием звука. Она была плотной, вязкой, ощутимой, как застоявшаяся вода в заброшенном колодце, куда десятилетиями падали лишь пыль да редкие капли дождя. Она обволакивала, просачивалась сквозь щели в рассохшихся оконных рамах, сквозь неплотно прикрытую дверь, сквозь микроскопические поры в обоях, отслаивающихся от стен уродливыми серыми лоскутами, и заполняла собой всё пространство маленькой съёмной квартиры на пятом этаже панельного дома.

В этой тишине было что-то удушающее, давящее на барабанные перепонки, но вместе с тем — странно успокаивающее, почти гипнотическое. Она была похожа на кокон, на защитную оболочку, которая отгораживала от всего внешнего мира с его бесконечной суетой, шумом, проблемами и требованиями.

Рафаэль лежал на продавленном диване, который пом-

нил, наверное, ещё те благословенные времена, когда телевизоры были чёрно-белыми, показывали всего три канала, а люди не были так одержимы бесконечной гонкой за призрачным успехом. Диван этот, с выпирающими пружинами, впирающимися в спину даже сквозь толстое одеяло, с протёртой до дыр обивкой неопределённого болотно-серого цвета, был его тронem, его крепостью, его единственным убежищем от мира, который он так и не сумел ни понять, ни принять.

Он лежал на спине, замерев в той же позе, в которой проснулся — если это состояние вообще можно было назвать пробуждением — уже очень, очень давно. Сколько времени прошло? День? Два? Неделя? Он не знал. Да и не хотел знать. Время перестало иметь для него значение. Оно текло мимо, как река, на берегу которой он лежал, не имея ни сил, ни желания даже пошевелить пальцем, чтобы окунуться в её воды.

Часы на стене, простые, круглые, с выцветшим циферблатом, давно остановились. Они остановились ещё месяц назад, когда в них села батарейка, и Рафаэль так и не собрался её заменить. Какая разница? Время — это всего лишь условность, придуманная людьми, чтобы упорядочить свой хаос. Но Рафаэлю не нужен был порядок. Ему не нужно было ничего.

Потолок был серым. Когда-то, вероятно, белым, но годы, пыль, сигаретный дым предыдущих жильцов и всеобщее равнодушие сделали своё чёрное дело. По нему расплзалась тонкая, едва заметная трещина, начинающаяся от угла, где висела старая люстра с двумя перегоревшими лампочками из трёх, и тянущаяся к центру комнаты, напоминая русло пересохшей реки на аэрофотосъёмке. Рафаэль знал эту трещину наизусть.

Он изучил её лучше, чем любой учебник в своей жизни, лучше, чем карту родного города, лучше, чем своё собственное лицо в зеркале, в которое он не смотрелся уже бог знает сколько времени. Он мог бы нарисовать её с закрытыми глазами, со всеми её изгибами, ответвлениями и микроскопическими трещинками, если бы, конечно, ему не было лень поднимать руку. Он лежал и думал о том, что трещина похожа на его собственную жизнь — такая же пустая, бессмысленная, ведущая в никуда. Началась непонятно где, течёт непонятно куда, и заканчивается так же бесславно, как и началась.

Ему было двадцать лет. Двадцать лет — это, по идее, тот самый возраст, когда кровь должна кипеть, сердце рваться в бой, а душа жаждать приключений, подвигов и великих свершений. По крайней мере, так говорили в фильмах, книгах, социальных сетях и в бесконечных мотивационных роликах, которые так любят снимать люди, сами не понимающие, за-

чем они всё это делают. Но вся эта суэта, весь этот бесконечный марафон за успехом, за деньгами, за вниманием, за какими-то эфемерными, размытыми целями, за одобрением незнакомых людей — всё это казалось Рафаэллию невероятно утомительным.

Зачем бежать, если в конце всё равно всех ждёт одно и то же? Зачем стремиться к чему-то, если любое достижение — это лишь новая ступень к новым, ещё более сложным задачам? Это же бесконечный круг. Колесо, в котором ты бежишь, как белка, пока не упадёшь замертво, и никто даже не заметит, что тебя не стало. Ну, может быть, заметят, поговорят пару дней, поплачут для приличия, а потом жизнь пойдёт своим чередом, как будто тебя и не было никогда.

Он не хотел бежать. Он вообще не хотел ничего. Апатия — так, кажется, это называли врачи, к которым его водила мать в подростковом возрасте, вкладывая в его вялую руку направления на бесконечные обследования и консультации. Апатия, депрессия, ангедония, дистимия, гипотимия — красивые, звучные, научнообразные слова, за которыми скрывалась одна-единственная, простая и всепоглощающая истина: ему было всё равно.

Абсолютно. Совершенно. Всеобъемлюще. Всё равно, что есть. Всё равно, что надеть. Всё равно, что будет завтра. Всё

равно, будет ли это «завтра» вообще. Он не испытывал ни радости, ни печали, ни гнева, ни страха. Только усталость. Бесконечную, вселенскую, выматывающую усталость, которая не проходила ни после сна, ни после еды, ни после чего-либо ещё. Усталость, которая была не следствием физического истощения, а каким-то фундаментальным свойством его души. Или того, что от неё осталось.

Телефон завибрировал где-то на полу, куда он его уронил пару дней назад, даже не потрудившись посмотреть, кто звонил. Вибрация была похожа на жужжание мухи, бьющейся о стекло в тщетной попытке вырваться на свободу. Жужжание это было раздражающим, но даже раздражение требовало слишком много энергии, которой у Рафаэля не было. Он даже не повернул головы. Он знал, что это, скорее всего, очередное уведомление, очередной бессмысленный шум из внешнего мира, который пытался пробиться сквозь его панцирь безразличия. Но панцирь был слишком толстым. Сообщение от кого-то, кто хотел что-то спросить, предложить, потребовать. Лента новостей, переполненная чужими достижениями, чужими эмоциями, чужими проблемами, чужими идеально отфильтрованными жизнями, которые не имели к нему ни малейшего отношения. Всё это было так далеко. Так неважно. Так... утомительно.

Он лежал и ощущал, как его собственное тело становится

каким-то чужим, незнакомым, как будто он был не хозяином в нём, а лишь временным арендатором, который задержался сверх всякой меры и теперь, наконец, готовился съехать.

Голод, который в первые сутки ещё напоминал о себе робкими, но настойчивыми спазмами в желудке, давно уже отступил, сменившись тупой, ноющей пустотой. Пустота эта была не неприятной. Она была... правильной. Естественной. Как будто его тело наконец-то начинало приходить в соответствие с его внутренним состоянием. Жажда, сушившая губы и горло, превратившая язык в наждачную бумагу, тоже куда-то ушла, оставив после себя лишь лёгкое, почти приятное головокружение, из-за которого комната слегка покачивалась, как палуба корабля. Всё затихало. Всё успокаивалось. Всё становилось на свои места.

Он умирал. Медленно, тихо, без криков и истерик. Просто лежал и умирал, и это было самым простым и логичным завершением его существования. В конце концов, если ты не хочешь жить, зачем сопротивляться? Зачем бороться?

Это же так естественно — просто перестать двигаться, просто позволить своему телу остановиться. Он всю жизнь плыл по течению, и сейчас это течение, наконец, приносило его к тихой заводи, где не было ни волн, ни ветра, ни необходимости куда-то грести. Смерть не пугала его. Она мани-

ла. Она была похожа на долгожданный отпуск, на бесконечный сон без сновидений, на то самое «ничто», о котором он мечтал с тех пор, как впервые осознал, что существование — это не дар, а обуза.

Его взгляд оставался прикованным к потолку, но трещина уже не имела значения. Он не думал о ней. Он вообще перестал думать. Сознание сужалось, сворачивалось в маленькую точку, как лист бумаги, брошенный в огонь.

Последние образы, последние обрывки мыслей — вот он, маленький, сидит на кухне у бабушки, ест тёплый пирог с яблоками, и на душе у него спокойно и хорошо; вот он, подросток, впервые целуется с одноклассницей на заднем дворе школы, и ему всё равно, что она говорит что-то о звёздах, о вечности, о том, как ей хорошо с ним; вот он, совсем недавно, лежит на этом же самом диване и смотрит в этот же самый потолок, и ничего не меняется, ничего никогда не менялось, и в этом было какое-то извращённое, горькое утешение. Жизнь прошла мимо, как скорый поезд, на который он так и не сел. И, если честно, он даже не жалел об этом.

«Ну наконец-то можно отдохнуть», — мелькнула последняя мысль, яркая, как вспышка молнии в ночном небе, и рассыпалась на тысячи искр, каждая из которых несла в себе крупицу его существа, его памяти, его усталости. И каждая

из этих искр, казалось, вздохнула с облегчением.

И всё исчезло. Белая пустота. Она не была похожа ни на свет в конце туннеля, ни на больничную палату, ни на что-либо, что можно было бы описать человеческими словами. Она была абсолютной, бесконечной, стерильной в своей чистоте. Она не имела ни текстуры, ни запаха, ни вкуса. В ней не было ни верха, ни низа, ни горизонта, ни расстояния, ни перспективы. Просто белое ничто, простирающееся во все стороны настолько, насколько хватало воображения, и даже дальше, за пределы любых воображимых границ.

Рафаэль осознал себя стоящим посреди этой пустоты, хотя понятия «стоять» и «посреди» тоже были здесь довольно условными. Он не чувствовал опоры под ногами, но и не падал. Он не видел собственного тела, но знал, что оно у него есть — или, по крайней мере, что-то, выполняющее его функции.

Он не чувствовал ни усталости, ни голода, ни жажды, ни боли. Не чувствовал веса собственного тела, не ощущал биения сердца, не слышал дыхания. Все те мелкие, незаметные в обычной жизни ощущения, которые сопровождали его каждую секунду существования, исчезли разом, оставив после себя лишь чистое, ничем не замутнённое осознание собственного «я». И это осознание было... раздражающим.

Потому что он думал, что после смерти его ждёт ничто. Просто ничто. Отсутствие всего. Абсолютный, беспросветный, благословенный покой. А вместо этого он оказался в каком-то белом пространстве, которое, при всей своей кажущейся безобидности, всё же было чем-то. Это означало, что нужно было что-то делать. Или, по крайней мере, как-то на это реагировать. А реагировать ему не хотелось. Ему хотелось исчезнуть. Раствориться. Перестать быть. Но вместо этого он был. И это было невыносимо.

— О-о-о! — раздался вдруг звонкий, пронзительно-жизнерадостный голос, расколовший тишину пустоты, как треснувшее стекло. Голос этот был настолько неуместен в этом стерильном безмолвии, что Рафаэльль вздрогнул всем своим несуществующим телом. — Ну наконец-то! Я уж думала, ты никогда не сдохнешь!

Рафаэльль вздрогнул. Само по себе это было удивительно, учитывая, что он только что был уверен в отсутствии у себя каких-либо телесных ощущений. Он повернул голову на звук — или, точнее, направил своё восприятие в ту сторону, откуда он исходил, — и увидел... блондинку.

Самую настоящую, каноническую, стереотипную блондинку, словно сошедшую со страниц какого-нибудь ани-

ме-журнала или с обложки дешёвого любовного романа. Она стояла в нескольких шагах от него, уперев руки в бока, и сияла, как новогодняя ёлка, как прожектор, как маленькое персональное солнце, освещавшее эту бесконечную белую пустоту.

Она была одета в нечто белое, струящееся, полупрозрачное, отдалённо похожее на тогу древнегреческой богини, но при этом невероятно открытое, подчёркивающее каждый изгиб её идеальной, словно вылепленной из мрамора фигуры.

Длинные волнистые волосы цвета расплавленного золота рассыпались по плечам и спине, переливаясь в несуществующем свете. Огромные глаза, голубые, как небо над тропическим океаном в самый ясный день, смотрели на Рафаэлля с неподдельным, почти детским восторгом. Над её головой, прямо в воздухе, парил маленький золотистый нимб, светившийся мягким, тёплым светом, а за спиной виднелись кончики белоснежных крыльев, слегка подрагивающих от возбуждения, как у голубя, готового взлететь.

— Ну? — она наклонилась к нему, её лицо оказалось так близко, что Рафаэлле мог разглядеть каждую ресничку, каждую пору на её безупречной коже, каждую золотую искорку в глубине её невероятных глаз. — Что скажешь? Впечатлён? Растерян? Испуган? Давай, признавайся, я обожаю смотреть

на реакцию новеньких! Это так... бодрит!

От неё исходила такая концентрированная, такая неудержимая жизненная энергия, что Рафаэллю стало физически плохо. Он не привык к такому. Вся его жизнь была подчинена принципу минимального вмешательства, минимального движения, минимального взаимодействия с миром. А эта женщина — или богиня, или кто она там была — излучала энтузиазм в таких дозах, что его хватило бы, чтобы поднять из могилы целую армию мертвецов.

Рафаэль смотрел на неё. В его голове, ещё не до конца отошедшей от небытия, с трудом формировались какие-то мысли. Они были медленными, вязкими, как смола, и отказывались складываться в связные предложения. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли где-то на полпути между мозгом и языком, и он просто закрыл его обратно.

— Не очень-то ты разговорчив, — надула блондинка пухлые губки, но тут же снова просияла, как будто её невозможно было расстроить дольше, чем на полсекунды. — Впрочем, это как раз неудивительно! Ты ведь и в жизни был таким же. Лежал, молчал, смотрел в потолок... Думаешь, я не видела? Я всё видела! Я за тобой, можно сказать, с самого рождения наблюдала! И знаешь, что я тебе скажу?

Она выпрямилась и сделала несколько шагов назад, приняв театральную позу, словно актриса перед выходом на сцену. Её крылья расправились за спиной, отбрасывая несуществующую тень.

— Ты — просто уникальный экземпляр! Просто потрясающий! Я за всю историю мироздания, за все эти миллиарды лет существования этого вашего жалкого мирка и всех параллельных ему, не видела настолько чистого, настолько идеального, настолько канонического представителя Греха Лени! Это же просто... — она зажмурилась и прижала руки к груди, словно пытаясь сдержать переполняющие её эмоции, — ...просто эстетический оргазм!

Рафаэль моргнул. Грех Лени? Мироздание? Он хотел спросить, кто она такая, но вместо этого смог лишь выдать из себя хриплое, едва слышное:

— Чего?

— Аха-ха! — залилась блондинка звонким смехом, который разнёсся по белой пустоте, отражаясь от несуществующих стен. — Ну конечно, ты же ничего не понимаешь! Я — Богиня! Ну, в вашем понимании, наверное, что-то вроде ангела высшего ранга. Или архангела. Или кем вы там нас представляете в своих примитивных религиозных фантази-

ях. Но можешь звать меня просто... хм... — она на секунду задумалась, приложив изящный пальчик к подбородку, — ...Габриэль! Точно! Мне нравится это имя! Оно такое... божественное!

Она снова хихикнула, явно довольная собственной шуткой.

— А ты, Рафаэль, — она ткнула в него пальчиком, и от этого простого жеста в его сторону полетел сгусток золотистой энергии, который, впрочем, растворился в воздухе, не достигнув цели, — попадаешь в категорию душ, которые должны быть... вознаграждены! За своё упорство, за свою целеустремлённость, за свою негибаемую волю!

— Упорство? — переспросил Рафаэль, чувствуя, как к нему начинает возвращаться привычная усталость, но теперь она была какая-то другая — усталость от абсурда происходящего.

— Ну конечно! — всплеснула руками Габриэль. — Ты же довёл свой грех до абсолюта! До логического завершения! Ты настолько не хотел ничего делать, что умер от бездействия! Это же высшая форма мастерства! Это как спортсмен, который побил мировой рекорд! Ты — олимпийский чемпион в дисциплине «Лень»! Первое место в истории всех ми-

ров! Всех! Понимаешь?

Она смотрела на него с таким искренним восхищением, что Рафаэллю на мгновение стало не по себе. Он не привык, чтобы им восхищались. Обычно его игнорировали или жалели. В лучшем случае — пытались «растормошить», «вытащить из скорлупы», «помочь начать жить». Но все эти попытки разбивались о его апатию, как волны о скалу. А тут — такое бурное признание его заслуг в деле... ничегонеделания. Это было странно. Это было неправильно. Это было... абсурдно.

— И что теперь? — спросил он, не зная, что ещё можно сказать в такой ситуации. Спрашивать «кто ты такая» было бессмысленно — она уже представилась. Спрашивать «где я» — тоже, ответ был очевиден: в какой-то посмертной белой пустоте. Оставалось только уточнить, что будет дальше, хотя, если честно, ему было не очень-то интересно. Ему хотелось только одного — чтобы его оставили в покое.

— Что значит «что теперь»? — Габриэль удивлённо вскинула брови, словно не могла поверить, что кто-то может задавать такие глупые вопросы. — Конечно же, перерождение! Ты думал, что после смерти всё заканчивается? Как бы не так! Это только начало! Начало великого пути! Нового цикла! Ты будешь отправлен в новый мир, получишь новую

жизнь, новые возможности! И, конечно же, твоё уникальное качество будет сохранено!

Рафаэлле почувствовал, как внутри него поднимается волна глухого, тошнотворного протеста. Жить заново? Опять? Вся эта бессмысленная канитель с рождения, взросления, старения, смерти? Опять нужно будет чем-то заниматься, куда-то ходить, что-то решать? Опять эта бесконечная череда дней, наполненных суетой, разочарованиями и усталостью?

Нет. Нет, нет и ещё раз нет. Он только что освободился от всего этого. Он только что, наконец-то, обрёл то, к чему стремился всю свою жизнь — покой. И теперь какая-то сумасшедшая богиня хочет лишить его этого покоя, отправив его обратно в этот бесконечный кошмар существования?

— Мне лень, — произнёс он своё извечное слово, которое было ответом на девяносто девять процентов всех вопросов в его жизни. Это слово было его щитом, его мечом, его универсальным ответом на все вызовы мира. Оно не раз спасало его от ненужных обязательств, от навязчивых людей, от бессмысленных занятий. И сейчас он надеялся, что оно спасёт его и от перерождения.

— Что? — Габриэль наклонила голову набок, как любо-

пытная птичка, рассматривающая незнакомое существо.

— Мне лень жить заново, — повторил Рафаэлль, стараясь вложить в эти слова как можно больше убедительности. — Лень. Понимаешь? Я не хочу. Я не буду. Отправь меня куда-нибудь в небытие. Или, если у вас тут есть какой-нибудь аналог бесконечного сна, — в него. Я не хочу жить. Я никогда не хотел жить. Я хочу, чтобы меня не было.

Габриэль молчала несколько секунд, а потом... рассмеялась. Искренне, громко, заразительно. Её смех был похож на перезвон тысячи серебряных колокольчиков, и в обычной ситуации он, возможно, показался бы Рафаэллю красивым. Но сейчас он лишь усиливал его раздражение. Она смеялась над его самым сокровенным желанием, над его единственной мечтой, и этот смех был хуже любого оскорбления.

— Ох, Рафаэлль! — выдохнула она, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Ты просто чудо! «Мне лень жить заново»! Это же гениально! Ты даже здесь, перед лицом самой Богини, продолжаешь оставаться верным своему греху! Это ли не преданность своим идеалам? Это ли не высшая форма аутентичности?

Она перестала смеяться и посмотрела на него с хитрой, заговорщицкой улыбкой. Её глаза, всё ещё блесевшие от слёз,

смотрели на него с каким-то новым выражением — выражением охотника, наконец-то поймавшего долгожданную добычу.

— Но, боюсь, выбора у тебя нет, — её голос стал мягче, но в то же время в нём появились стальные нотки, не оставляющие места для возражений. — Правила есть правила. Твоя душа слишком ценна, чтобы пропадать в небытии. Такая чистая, концентрированная Лень — это редчайший ресурс! Ты даже не представляешь, сколько богов и богинь отдали бы всё за такую душу! Ты должен жить. Должен продолжать своё существование. Должен... лениться дальше!

— Но я не хочу, — повторил Рафаэлль, чувствуя, как его апатия начинает перерастать в какое-то новое, ранее незнакомое чувство — отчаяние. Оно было похоже на тошноту, поднимающуюся откуда-то из глубины его несуществующего желудка.

— А вот это уже неважно, — отмахнулась Габриэль с лёгкостью, которая показалась Рафаэллю почти оскорбительной. — Ты — моя находка. Моя звезда. Мой... проект! Я не могу допустить, чтобы такая душа просто растворилась в космосе! Это было бы преступлением против всех законов мироздания!

Она взмахнула рукой, и в воздухе перед ней возник свиток пергамента, покрытый светящимися золотыми письмами, которые, казалось, жили своей собственной жизнью, перетекая и меняя форму прямо на глазах. Свиток развернулся, повиснув в воздухе, и Габриэль принялась читать с него, водя пальцем по светящимся строкам.

— Ты будешь отправлен в удивительный мир фэнтези! — провозгласила она торжественным голосом, который больше подошёл бы для оглашения королевского указа. — В мир, где есть магия, драконы, рыцари, эльфы, демоны, подземелья, древние артефакты и всё такое прочее! Мир, который отчаянно нуждается в герое! И ты станешь этим героем!

Рафаэль издал стон, полный вселенской тоски. Этот стон должен был выразить всё: и его отношение к героизму, и его нежелание участвовать в каких-либо приключениях, и его глубокое разочарование в том, что посмертие оказалось не таким, как он ожидал.

— Я же сказал — лень, — произнёс он, вкладывая в эти слова всю ту усталость, которую он накопил за свою недолгую, но такую утомительную жизнь. — Какой из меня герой? Герои — это те, кто встают с кровати по утрам, машут мечами, спасают принцесс и убивают драконов. Я не встаю с кровати. Я даже не помню, когда я последний раз вставал с

кровати до того, как умер.

— О, ты удивишься! — Габриэль лукаво подмигнула, и от этого жеста по её телу пробежала золотистая волна света. — Герои бывают разные. Совсем не обязательно махать мечом и спасать принцесс из башен. Можно спасать мир и по-другому. Например, своей... ленью! Да-да, не смотри на меня так! Лень — это тоже сила! И я собираюсь доказать это всему мирозданию!

Она продолжала читать с свитка, не обращая внимания на гримасу боли на лице Рафаэлля, которая, если бы у него было нормальное лицо, наверняка выглядела бы очень красноречиво.

— Я, Габриэль, Богиня Лени и Праздности, дарую сей душе, Рафаэллю, своё высочайшее благословение! — её голос гремел, как гром, и в то же время был мягким, как шёпот ветра. — Отныне и во веки веков он будет обладать уникальной способностью — «Силой Безделия»! Эта сила позволит ему обращать свою лень в мощь, свою апатию в защиту, а своё нежелание действовать — в средство для достижения целей! Он будет не просто героем, он будет... Абсолютным Ленивым Героем!

— Звучит как насмешка, — буркнул Рафаэльль. — Или

как сюжет какого-нибудь третьесортного аниме.

— Ты ещё не понимаешь всего масштаба гениальности моего замысла! — фыркнула Габриэль, ничуть не обидевшись на его сарказм. — Сила Безделия — это не какая-то там пассивная способность! Это квинтэссенция твоей души! Чем тебе ленивее, тем ты сильнее! Чем меньше ты хочешь действовать, тем мощнее будет эффект от любого твоего, даже самого микроскопического, действия! Представь: ты зеваешь — и армия врагов засыпает вечным сном! Ты отмахиваешься от назойливой мухи — и сносишь гору! Ты просто ложишься спать — и вокруг тебя создаётся непробиваемый барьер, который ничто не может разрушить! Ты — живое воплощение парадокса бездействия!

Она говорила всё быстрее и увлечённое, глаза её горели фанатичным огнём, а жесты становились всё более размашистыми. Казалось, она сама заряжалась от собственных слов, как батарейка от розетки.

— А какой ты будешь принц! — вдруг воскликнула она, хлопнув в ладоши, и от этого хлопка по белой пустоте разбежались золотые волны.

— Принц? — Рафаэллю показалось, что он ослышался. Или что эта белая пустота каким-то образом искажает звуки.

Принц? Он? Человек, который не мог заставить себя даже дойти до кухни за стаканом воды?

— Ну а как же! — Габриэль снова ткнула в него пальцем, и на этот раз сгусток золотой энергии, сорвавшийся с её пальца, всё-таки достиг Рафаэлля, заставив его вздрогнуть от неожиданного тепла. — Твоя новая жизнь будет проходить в теле принца! Принц — это идеальная позиция для ленивого героя! У тебя будут слуги, которые всё делают за тебя, мягкие кровати, вкусная еда, роскошные покои! Идеальные условия для культивации лени! Ты будешь принцем королевства Лангуор! О, это чудесное место! Там все такие же медлительные и сонные, как ты! Ты будешь там как рыба в воде!

— Я не хочу быть принцем, — снова запротестовал Рафаэль. — Это же... ответственность, обязанности, этикет, необходимость соответствовать чьим-то ожиданиям, участвовать в каких-то церемониях, принимать какие-то решения. Это же ужасно! Это же противоположность покою! Это же ещё хуже, чем моя предыдущая жизнь!

— Вот именно! — радостно согласилась Габриэль, неправильно истолковав его слова. — Ужасно! Но именно в этих ужасных условиях твоя сила и раскроется в полной мере! Ведь чем тяжелее бремя принца, тем сильнее твоё желание

от него избавиться, тем мощнее твоя Лень, и, соответственно, сильнее Сила Безделия! Это идеальный баланс! Это же гениальная система прокачки! Я всё продумала!

Она взмахнула свитком, и он рассыпался золотой пылью, которая окутала Рафаэлля сияющим облаком. Он почувствовал, как невидимые путы начинают сжимать его, поднимая в воздух. Это было похоже на то, как если бы его подхватил гигантский невидимый кулак и начал выжимать из него последние остатки сопротивления.

— Подожди! — вскрикнул он, пытаясь сопротивляться. — Я не согласен! Я отказываюсь! Ты не можешь меня заставить!

— Отказ не принимается! — пропела Габриэль, посылая ему воздушный поцелуй. — Удачи в новой жизни, мой маленький ленивый герой! Не разочаруй меня! И помни: чем больше тебе лень, тем ты сильнее! Так что лежи, бездельничай и процветай! Пусть твоя лень спасёт этот мир!

Золотая пыль вокруг Рафаэлля уплотнялась, превращаясь в воронку света, которая затягивала его всё глубже и глубже. Белая пустота исчезала, растворяясь в вихре разноцветных красок и образов. Он мельком увидел какие-то замки, парящие в небе, леса, населённые странными существами, океа-

ны, бороздимые гигантскими рыбами, и бесконечные сражения, в которых люди в доспехах сражались с чудовищами. Всё это проносилось мимо с невероятной скоростью, как в ускоренной перемотке, и Рафаэлль не успевал разглядеть ни одной детали.

— Я не герой! — крикнул он в пустоту, но его голос потонул в гуле вихря, растворился в какофонии звуков, которые сопровождали его переход из одного мира в другой.

— Ты ещё не знаешь этого! — донёсся откуда-то издалека голос Габриэль, полный довольства и предвкушения. — Но скоро узнаешь! И, поверь мне, это будет самое ленивое приключение в истории всех миров!

Последнее, что он почувствовал, — это резкий рывок вниз, как будто он сорвался с обрыва в бездну. Падение было стремительным, захватывающим дух, и в то же время каким-то... успокаивающим. Как будто он, наконец, перестал сопротивляться и позволил течению унести себя. А затем всё поглотила тьма. Мягкая, бархатная, всепоглощающая тьма, которая не давила, а обволакивала, как тёплое одеяло.

И в этой тьме, прежде чем сознание окончательно погасло, он успел подумать лишь одну, единственную вещь, которая была для него важнее всех миров и всех богинь вместе

ВЗЯТЫХ:

«Ну почему нельзя было просто оставить меня в покое?..»

Эта мысль была последней искрой его прежней жизни, последним отголоском его прежнего «я». И, как и всё в его прежней жизни, она растворилась в небытии, не оставив после себя ничего. Потому что впереди была новая жизнь.

Новая жизнь, полная возможностей, приключений и, конечно же, бесконечной, всепоглощающей, благословенной лени. Лени, которая, как ни странно, должна была стать его оружием, его защитой и его единственным способом выжить в этом новом, незнакомом мире.

А затем, откуда-то издалека, из самой глубины этой тьмы, до него донёсся едва слышный шёпот. Он был похож на шорох листьев, на дуновение ветра, на тихий смех. И в этом шёпоте можно было разобрать лишь одно слово, повторяемое снова и снова:

«Ленись... ленись... ленись...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.